

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAÍS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 865012

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo Central B
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVIII

Buenos Aires, martes, 28 de diciembre de 1965

Буэнос Айрес, вторник 28 декабря 1965 года № 830

Секретариат Российского Народно-Монархического движения и редакция газеты "Наша Страна" приносят Ее Императорскому Высочеству Великой Княжне Марии Владимировне свои сердечные поздравления к Ее двенадцатилетию и пожелания счастья и радости в жизни!

Буэнос Айрес. 23 декабря 1965 года.

К ДРУЗЬЯМ

Дорогие Друзья!

Еще рано подводить какой-то итог последним четырем месяцам моей болезни, она все еще цепко держит меня в своих руках и я не ребенок, чтобы не понимать, что каждая наступающая ночь грозит мне новым сердечным приступом. Но не хуже этого я понимаю и то, что моя жизнь в РУКАХ ГОСПОДА и твердо верю в то, что ОН продлит ее ровно на столько, на сколько она еще нужна и делу борьбы за славное будущее нашей великой Родины и делу Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Кирилловича, ПРОМЫСЛОМ БОЖИИМ призванного на служение Ей как сейчас, так и потом — на великих Ее просторах...

Эта вера — может быть только она — дает мне силы для борьбы с моей бо-

лезнь! И потому, дорогие друзья, я прошу Ваших молитв обо мне, о сохранении во мне этой веры, помня о том, что молитва даже только двух человек об одном и том же — является силой перед Лицем Божиим! И я чувствую силу этих молитв.

После последнего сердечного приступа — 11 декабря — я, Слава Богу, оправился гораздо скорее, чем после всех предыдущих, несмотря на то, что он сопровождался еще и простудой, вызванной высокой температурой. И сегодня я верю в то, что столько раз уже данные мною Вам обещания наладить корреспонденцию со всеми теми из Вас, кто так долго ждет ответа на свои письма, будут наконец, исполнены. С Новым Годом, дорогие друзья! Шло всем Вам свои самые сердечные пожелания в Новом Году!

Вс. ДУБРОВСКИЙ

27 декабря 1965

АЛЕКСЕЙ РОСТОВНА РОДИНЕ

283. ОЧЕРЕДНОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ. — СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, ПОГИБШИЕ НА ВОЙНЕ.

Я уже приступил к очередной статье с оценкой событий второстепенного значения, когда радио и иностранная печать сообщили о последнем Пленуме ЦК и сессии Пленума Верховного Совета. Передо мной встал вопрос: дать ли пусть только предварительный анализ из событий, в котором могут быть неточности, или подождать присылки советской печати, чтобы писать о событиях лишь через две недели.

Я подумал и выбрал первый путь: сразу написав свою оценку недавних событий, которые в моих глазах носят характер настоящего государственного, венецианского дворцового переворота со смешной и рокировкой временщиков, а потом через две недели внести мелкие поправки и уточнения в настоящую статью.

В начале декабря созван Пленум ЦК, на котором приняты важные решения: увеличить расходы на вооружения ввиду подготовки американцами в Вьетнаме широкой агрессии, которая может привести к новой мировой войне (термоядерной), а внутри страны заменить руководимые Шелепином Комитеты Госспортконтроля комиссиями "народного контроля", воскресив ленинскую "рабоче-крестьянскую инспекцию". Затем решено включить в число секретарей ЦК Ивана Васильевича Капитонова, хитрого интригана и ярого врага Хрущева.

Увеличение ассигнований на вооружение имеет явной целью запугать одновременно Вашингтон и Пекин. Самая структура советской системы позволила бы при желании хоть удвоить военный бюджет путем внесения этих ассигнований на счет любого ведомства: Научно-Технический Совет, Министерство Среднего Машиностроения и т. п. Тайное оружие готовится втихомолку и, если СССР начнет войну, то не предупредит Соединенные Штаты о дне и часе междуконтинентальной ракетной бомбардировки. Но это решение, сопровождаемое докладом министра финансов Вас. Фед. Гарбузова, о котором речь впереди, убивает сразу трех зайцев:

1. Пугает американцев: недаром трусливый завистник президента Джонсона Роберт Кеннеди при получении этого известия заговорил о том, что надо пойти на все, чтобы спасти человечество от гибели. Путь может быть один: отдать Вьетнам коммунистам, потом уступить подряд Камбоджу, Лаос, Таиландию, потом со страхом всю Индию и Иран, наконец самые Соединенные Штаты. На этот путь американцы не пойдут!

2. Показывает Пекину, что СССР не

менее их воинствен и готов к войне против Соединенных Штатов, что вынудит китайцев пойти с СССР. Но китайцы умнее Роберта и лучше разбираются в советских маневрах: они просто заявили, что не верят ни в чем последышам Никиты даже, когда они обещают вооружиться и кричат о своих вооружениях.

3. Тяжелое продовольственное положение внутри страны находит свое оправдание: мы теперь свергли Хрущева и скоро дали бы народу "изобилие плодов земных", но американцы нападением на Вьетнам создают базу для нападения на коммунистический мир, они вооружают Зап. Германию, а вы сами помните, как нас немцы били в первые два года войны. Поэтому мы должны вооружаться: лучше есть хлеб без масла, но усилить ракетную артиллерию, чтобы в первые же часы войны уничтожить весь германский народ и вынудить Соединенные Штаты после разрушения своих цветущих городов просить мира. Ради этого можно вместо мяса есть картошку, вместо сахара свеклу, вместо сливочного масла помазать хлеб соусом из помидоров.

Преобразование комиссий госспортконтроля в комиссии народного контроля удар по Шелепину со стороны его соперников. Комиссии госспортконтроля были фактически орудием своих председателей-шелецких чекистов, которые обвиняли в бюрократизме, "ротозействе", растратах, взятках могли скомпрометировать любого провинциального сатрапа, ставленника Брежнева или Косыгина. Теперь же комиссии с участием "рабочих от станка" или "колхозных передовиков" ограничиваются лишь платоническими увещаниями, которые партийных вельмож в Обкомах, министерствах Союзных Республик не запугают. "Строгач" (строгий выговор) никого не пугает!

Весьма показательно назначение Капитонова секретарем ЦК. Напомню читателям, как он перехитрил всесильного Хрущева. На двадцать первом съезде партии все вожди подряд обвиняли всех "антипартийцев" во всевозможных преступлениях, а Маленкова выставляли собрщиком Берии, погубившим Вознесенского, Родионова, Алексея Алексеевича Кузнецова и всю Ленинградскую верхушку партии в 1949 году. Дело явно шло к решению организовать "показательный суд" над "антипартийцами" и уготовить им судьбу расстрелянных Берии и Абакумова. Тогда член ЦК Капитонов заявил, что возмущен антипартий-

С НОВЫМ ГОДОМ!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Секретариат Российского Народно-Монархического Движения и Редакция газеты "Наша Страна" шлют свои сердечные поздравления и наилучшие пожелания всем г. членам Движения, сотрудникам, подписчикам и читателям газеты и зовут их неуклонно и бодро продолжать наше правое дело борьбы за новую Императорскую Россию, вот-вот готовую возникнуть на развалинах большевизма. Последний час близится! Будем же готовы к нему и не ослабим борьбу накануне рассвета!

С новым годом, друзья, с новым счастьем!

С НОВЫМ ГОДОМ!

цами и их преступными планами, а потому предлагает вызвать на съезд Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова, чтобы они изложили в свое оправдание свою пагубную программу, повторили вслух свои клеветы на Хрущева. Тогда Хрущев сразу приказал своим холопам замолчать и вопрос о суде над антипартийцами отпал.

Взбешенный хитрым маневром Капитонова Хрущев сразу снял его с поста первого секретаря Московского Обкома, но при первой же поездке Хрущева за границу в его отсутствие Суслов поручил опальному Капитонову Ивановский Обком. Вот вкратце его биография. Капитонов родился 22-го февраля 1915 года, перешел из комсомола в партию в 1939 г.; значит, это "молодой" 50-летний сатрап, физически неподвижный в ежовщине, ибо в партию вступил по ее окончании. Он кончил в Москве Институт инженеров коммунального строительства, и став членом партии, работал четыре года инженером, но с 1943 года занимал партийные посты в Москве и в 1951 г. стал вторым секретарем Московского Горкома (первым секретарем Обкома был тогда Хрущев); сразу после смерти Сталина поддержал Хрущева и в марте 1954 г. стал 1-м секретарем Московского Обкома. Снят с него за маневр против Хрущева в марте 1959 г., но в сентябре получил Ивановский Обком. После свержения Хрущева стал в феврале 1965 г. Зав. Отделом партийных кадров по РСФСР и теперь секретарем ЦК.

Сразу после Пленума ЦК открылась сессия Верховного Совета, детали которой изложены в следующий раз. Началось с доклада Гарбузова об увеличении ассигнований на вооружения, затем последовал "ответ на запросы депутатов" (совсем как в настоящих парламентах) мин. иностр. дел Громыко, который обещал молчанием Китай, напал на Соединенные Штаты не столько за бомбардировки Вьетнама, сколько за вооружения Зап. Германии, которую пытался, скрывая свой страх перед нею, пугать тем, что что СССР не допустит ни ее объединения, ни пересмотра восточных границ.

Но самым сенсационным событием явилось выступление вполне на вид здорового Микояна, заявившего, что он подвергся тяжелой операции, ослабел, отпраздновал две недели назад семидесятилетие, а потому просит его освободить от поста председателя Верховного Совета, на который был тут же выбран второй секретарь ЦК Николай Викторович Подгорный.

Здесь опять явный политический маневр: ни разу в истории СССР "вождь" не оставлял поста по болезни: Ленин лежал больше года и мычал лишь изредка приходя в сознание, но никогда ЦК до смерти ему отставки не давал. Я уже писал, как посол в Японии Тевосян полгода умирал в Москве от рака, но числился послом. Даже болезнь, мнимая или настоящая, Козлова скрывалась до свержения Хрущева и он продолжал числиться секретарем ЦК, нигде полтора года не появляясь. Лишь один Мих. Ив. Калинин ушел по полной слепоте в отставку, когда надо было принимать в мае 1945 г. победителей своих и союзных в Кремле. Раз Микоян может выступать на Пленуме Верховного Совета, то он стоит прочно на ногах, владеет даром речи и мог бы дальше занимать свой пост, принимая изредка посла или приехавшего министра любой державы, имея на случай болезни 15 заместителей в лице председателей Верх. Советов 15 Союзных Республик. Считаю, что его снятие явились ликвидацией последнего дареволюционного подпольщика после 50 лет пребывания в партии, соучастника всех ленинских, а потом сталинских

злодеяний. Это падение хитрого и жестокого "ленинца" порадовало всех врачей большевизма.

Напомню читателям биографию Н. В. Подгорного: родился 16-го февраля 1903 года; 17-ти лет вступил в комсомол и командирован учиться в Институт пищевой промышленности; при его окончании в 1930 году перешел в партию и работал девять лет на разных украинских сахарных заводах; после ежовщины стал в 1939 году Зам. Наркома пищевой промышленности Украины, директор Моск. Института Пищевой Промышленности в 1941-44 г. г., представитель Украины в совете министров СССР с 1946-50 г. г. и с 1950 года возглавлял Харьковский Обком, с августа 1953 года второй секретарь ЦК КП Украины и член ЦК КПСС с XX съезда в 1956 году, первый секретарь ЦККП Украины с 26 декабря 1957 года и кандидат Президиума ЦК с сентября 1958 года, секретарь ЦК с июня 1963 года, явился одним из застрельщиков свержения Хрущева, после которого стал вторым секретарем ЦК вместо Брежнева, ставшего первым секретарем. Теперь фактически получил почетный, но менее важный пост главы государства, где можно парадировать на приемах, говорить тосты, но утрачено прежнее значение в президиуме и секретариате ЦК, т. е. в правящей олигархии.

Не менее крупным событием явилось "освобождение" Александра Николаевича Шелепина от поста заместителя председателя совета министров СССР с одновременным уничтожением Комитета Гос. Парт. Контроля, которым он руководил. Это можно было считать его падением, если бы не формулировка, что это "должно позволить ему всецело посвятить себя работе в секретariate ЦК". Считаю, что он таким образом занимает пост второго секретаря ЦК, который занимал Брежнев до свержения им Хрущева, а потом занимал Подгорный до 9-го декабря с. г. Сразу же западные эксперты заспорили: поражение понес или победу одержал молодой и честолюбивый Шелепин, сыгравший решительную роль в свержении Никиты и теперь утративший не только пост одного из восьми заместителей председателя совета министров и свой аппарат Комитета Гос. Парт. Контроля, который позволял ему угрожать всему партийно-советскому чиновничеству. Но это неверно, ибо никто на этот пост не назначен, ибо 6-го декабря на Пленуме ЦК, как сообщает полученная мной в этот момент советская печать, по предложению Брежнева, "органы партийно-государственного контроля преобразованы в органы Народного контроля, которые должны являться одним из действенных средств партии и правительства по еще более широкому вовлечению народных масс в управление делами государства, обеспечению систематической проверки исполнения директив партии и правительства советскими, хозяйственными и другими организациями, укреплению государственной дисциплины и социалистической законности". Из этого многогречивого объяснения можно сделать два очень важных вывода:

1. Это важное решение, уничтожающее аппарат Шелепина, но не предающее его в другие руки, принято по предложению Брежнева, который видит в лице Шелепина более опасного противника, чем Подгорный, и другие фигуры руководства.

2. Речь Брежнева в защиту своего предложения ясно показала, что "органы народного контроля" будут иметь гораздо меньше прав, чем прежние шелепинские органы госпартконтроля, ибо те контролировали не только государ-

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ "НАША СТРАНА"

Редакция доводит до сведения подписчиков, что, начиная с 1-го января 1966 года, она вынуждена, в силу падения валюты во многих странах, в том числе и в Аргентине, несколько повысить стоимость номера газеты, а именно:

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 20 песо.	В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.
САСШ и Канада — 35 цент.	
Бразилия — 180 круз.	
Венецуэла — 1 боливар.	
Парагвай — 18 гуарани.	
Уругвай — 8 уруг. песо.	
Чили — 450 чил. песо.	
Австралия — 1 ш. 6 пен.	
Англия — 1 ш. 3 пенса.	
Бельгия — 10 белг. фр.	
Германия — 75 пфен.	
Голландия — 0.65 гульд.	
Греция — 4 драхмы.	
Франция — 1 фр.	
Швейцария — 1 шв. фр.	

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

Аргентина — 23 песо	Полисскую плату просим вносить не менее чем за 10 км сорок вперед.
САСШ и Канада — 49 цент.	
Бразилия — 250 круз.	
Венецуэла — 1.25 болив.	
Парагвай — 20 гуарани.	
Чили — 600 чил. песо.	
Австралия — 3 шил.	
Англия — 2 ш. 6 пен.	
Германия — 1 нем. марка.	
Голландия — 1 гульд.	
Греция — 8 драхм.	
Италия — 200 лир.	
Франция — 1.40 фр.	

вс. раз прежние обещания не выполнены!

Мрачный доклад Гарбузова сообщает, что в 1966 году ассигнования на оборону будут на 5% выше предыдущего года. Оценку этих его откровений я уже дал в начале настоящей статьи.

Пленум закончился, как всегда, новой перетряской правительенного аппарата. Почему-то лишиены звания министра, следовательно, исключены из состава совета министров СССР председатели Государственных Комитетов:

1. По радиовещанию и телевизи — Ник. Ник. Месяцев,
 2. По кинематографии — Ал. Вас. Романов, кандидат ЦК,
 3. По культурным связям с заграницей — Сергей Констант. Романовский.
- Это как будто означает, что деятельность этих комитетов отходит на второй план, что мне непонятно. Но зато три новых Государственных Комитета включены в лицо своих председателей в состав совета министров СССР. Двух из них словно забыли включить 2-го октября 1965 года при реорганизации совета министров СССР: это Комитет по профтехническому образованию (его председатель Генрих Иосифович Зеленко назначен министром) и комитет по сельхозтехнике (министр — Александр Александрович Ежевский).

Затем министром стал председатель Комиссии Народного Контроля кандидат ЦК Павел Васильевич Кованов. О нем знаю лишь, что после XIX съезда в 1952 году назначен зав. Отделом пропаганды и агитации секретариата ЦК, т. е. еще при Сталине и Маленкове, в 1956 году послан вторым секретарем ЦК грузинской компартии в Тбилиси, где 6 лет надзирал над наименее покорными Москве грузинскими сатрапами. В 1962 году при образовании Комитета Партийно-государственного Контроля Ал. Шелепин вызвал Кованова в Москву и сделал своим заместителем по возглавлению нового Комитета. Теперь Кованов естественно с переходом Шелепина на пост второго секретаря ЦК стал преемником его по руководству потерявшего прежнее название и значение органу — Комиссии Народного Контроля.

Среди последних новинок советской литературы мне кажется интересным отметить сборник стихотворений "Советские писатели, павшие на великой отечественной войне". Москва. Изд. "Советский писатель" 1965 г. 750 стр. Там приведены стихи 40 поэтов разных возрастов и национального происхождения, павших на войне, семи расстрелянных немцами или погибших в плену, в трех, павших в финской зимней войне 1939-40 годов. Несмотря на различие происхождения авторов, только 11 являются переводами с языков других народностей:

ДОМ РУССКИХ БЕЛЫХ
(Карлос Кальво 2851, тел. 97-0447)
В субботу 8-го января 1966 года на 2-й день праздника
Рождества Христова будет устроена

ЕЛКА

Желающие привести своих детей на елку, должны их до 1-го января 1966 г. записать. Запись производит: Дом Русских Белых от 19 до 20 час. по вторникам и пятницам, церковный староста в церкви на Бразиль, церковный староста, на Диамантэ, О. В. Милутинович в Кильмесе (Русский поселок). Н. И. Федоров — В. Бажестер, Дом Инвалидов, О. Ф. Седляревич — церковь в Темперлее и в книжном киоске при Кафедральном Соборе. В программе: детские игры, хороводы, пение, музыка, чтение стихов, балет и угощение детей.

БУФЕТ — ЛОТЕРЕЯ. Начало в 15 часов.

Вход для детей бесплатный. Для взрослых вход по добровольным пожертвованиям.

по-украински писали Ал. Ак. Гаврилюк, К. М. Герасименко, Никола Сурнаев, по-еврейски — старший из поэтов Самуил Самуилович Россин, родившийся в 1892 году и убитый под Вязьмой в 1941 году, по-грузински — Геловани и Квицария, по-осетински — Калоев, по-дагестански — Шоганцуков, по-татарски — Карам и казненный в Берлине Муса Джалиль, по-армянски — Гурнан. Все остальные писали русские стихи, считая русский язык родным, хотя среди них много евреев — Всев. Багрицкий, сын известного богохульника-поэта Эдуарда Багрицкого, убитый 20-ти лет под Ленинградом в 1942 году, Вульф Вылькович, Давид Каменский, Павел Давид Коган, Михаил Шпак, Сергей Спирт, Лев Шершер, Арон Копштейн и Елена Ширман. Последняя известная в Ростове поэтесса, редактировавшая в годы войны агитационный журнал “Прямой наводкой”, бежавшая из Ростова с набором антигерманских стихов и статей, застигнутая немецкими передовыми частями в июле 1942 года, расстрелянна в станице Ремонтной в возрасте 34 лет, эстонец Инге, белорус Мих. Кульчицкий, украинцы Всеволод Лобода, Вадим Стрельченко, Николай Отрада.

Все это свидетельствует, что среди них не было сепаратистов и даже писавшие свои стихи на родных языках поэты были верны, как показывают их стихи, единой России. Это показывает абсурдность ставки Розенберга на отрыв от России нерусских народностей и бессмыслица расчетов современных расчленителей России в Соед. Штатах и других странах. Поэты принадлежат, конечно, к интеллигентской прослойке своего народа и отражают его чаяния. Но у всех перечисленных мною выше нерусских поэтов стихи говорят о защите родины, для них общей. Восстания крымских татар, черкесов, кабардинцев, балкарцев, ингушей, калмыков носили антикоммунистический характер, хотя агенты Розенберга старались вбить клин между ними и русскими антибольшевиками; недаром столько из них примкнуло к власовцам или казакам генералов П. Н. Краснова, Кулакова, Даманова и других русских патриотов, мечтавших о единой великой родине. Ни в советском, ни в антисоветском лагере сепаратисты не имели успеха.

По содержанию много лирических стихов о русской природе или природе своего края — Кавказа, Крыма, Украины, Поволжья; много посвящено оставшейся дома семье, родителям, любимой девушке. Поражает малое число упоминаний о партии, о Ленине или Сталине. Естественно, что большинство говорит о ненависти к врагу, о надеждах на победу, на возвращение к родному очагу, оккупированному немцами. Ярыми коммунистами можно по их стихам признать лишь расстрелянных в Берлине Мусу Джалиля, эстонского партизана Инге, 42-летнего литовского члена компартии: еще в демократической Литве Ватауса Монтвили, Елену Ширман, 40-летнего кабардинского чекиста и поэта Али Шогенцукова. Он расстрелян в ноябре 1941 года при попытке бегства из лагеря военнопленных, а его собратья летом 1942 года восстали и перебили своих коммунистов и чекистов еще до прихода германских авангардов.

Надо отметить, что в этих стихах я не встретил ни одной антирелигиозной шутки или богохульного зубоскальства. Близость военной опасности, мысль о близкой смерти никого из поэтов не расположили к тому враждебному отношению к религии, которое им всем внушалось с детства.

Любопытны стихи пленных, погибших в германских лагерях; большинство лиричны как, например:

Губы мои до сих пор горячи
От твоего поцелуя,
Вечера майского мне не забыть
И тебя позабыть не могу я.
Прощальный и нежный твой поцелуй
Я навсегда сохранию.

Где бы ни был — ты не тоскуй,
Потому, что тебя я люблю.
Очень искренни жалобы на тяжесть походов по разбитым дорогам, на холод, на прилипшую к сапогам грязь, на бесприютность окопных ночевок.

Один поэт, погибший в плену, фамилия которого не установлена, оставил найденную при раскопках лагеря Заксенхаузена, тетрадь стихов, где попрекает власовцев, но довольно верно выдает те причины, которые побуждали пленных идти в Русскую Освободительную Армию; это были не “шкурные” соображения, не погоня за военным пай-

А. Макриди

Альберт Швейцер

(Стенограмма доклада)

Несомненно, на сообщение о кончине Альберта Швейцера, во всем мире, на всех континентах, скорбным молчанием откликнулись многие осиротевшие сердца приверженцев, единомышленников и просто почитателей покойного.

Сколько их? Сам Швейцер никогда этим не интересовался. Он не был вождем, не нуждался в признании и не искал популярности, паче — славы. Его скорее можно было бы назвать отшельником. Правда, он не чуждался людей, но не любил растворяться в цивилизованной толпе, предпочитая жить среди дикарей и животных.

Он прожил до девяностолетнего возраста в африканских джунглях, из которых отлучался все реже. Был здоров, но девяносто есть девяносто и смерть его никому не показалась неожиданной. Откуда же это щемящее чувство потери? Повидимому, оттуда же откуда у большинства возникает потребность в нравственной опоре не только на идею, но и на ее живое воплощение. Таким воплощением, воплощением нравственности, и был Альберт Швейцер, зажегший маяком в сумерках прошлого столетия и засиявший в надвигающемся мраке нынешнего.

Светом своего однокого подвига он напоминал о том, что даже в наше время можно жить не кривя душой. Наблюдая его жизнь, все понимали, что это не просто, но видели, что возможно, и это одно уже позволило выпрямляться спинам, уставшим под гнетом постоянных уступок лжи; уступок, выморошенных так называемой борьбой за правду.

Значение и заслуга Швейцера не столько в том, что он сделал, хоть это и больше того, что можно требовать от одного человека, сколько в том, что сделают его последователи. Пусть их еще недостаточно для сколько-нибудь заметного оздоровления человеческого общества, важнее то, что они не переводятся. И если каждый из них привлечет к себе хоть долю того сочувственного внимания, каким пользовался во всем мире сам Швейцер, то и это замедлит распространение сатанизма успешнее самых красноречивых заклинаний.

Страно говоря, Швейцер не оставил по себе ничего нового, никакой оригинальной идеи. Оа только подверг придирчивому обыску построенные до него философские лабиринты и напомнил о

ком, а обоснованная ненависть к советскому режиму:

Или, может, ты был чем обиженный,
Иль учиться не мог, иль бесправным
ты был?

Иль в народе своем был униженный?
Почему ты стране изменил?

Власовец мог бы легко ответить, что изменил не родине, а Стalinу, от ига которого хотел любимую родину освободить. Но автор верно указал: детям духовенства был воспрещен доступ в высшие школы; среди власовцев были тысячи репрессированных, которые не безгласным народом, но чекистами были обижены, которые и по отбытии заключения были унижены; нас было столько стремившихся с помощью чужого оружия освободить родину; вот что в те дни писали наши пережившие четверть века большевизма поэты:

Ничего не забыли, ничего не простили
Мы кровавым своим палачам!

Пусть же будет повален
Вождь преступников Сталин

И за все пусть ответят нам сам!
Другой поэт, переживший пресловутую советскую победу, за черепом которого охотились репатриационные комиссии по Европе, рисует, что принесла русскому народу победа сталинских приспешников:

Всюду казни и расстрелы,
Слезы матерей.

Там окутал сумрак серый
Сотни лагерей.

Меж кустами повиленки
На полях войны

Тлеют родины великой
Лучшие сыны.

А над этим адом Stalin
Торжествует вновь.
Вот за что вы воевали,
Проливали кровь.

Алексей Ростов

корневой сущности христианства, но сделал это так смело, с такими искренностью и простотой, что застиг врасплох и поставил втупик адептов умозрительного исповедания Христа, за что, как полагается и был иными из них зачислен в категорию еретиков.

В задачу настоящего доклада не входил оправдание или защита Швейцера, но справедливость требует признать, что независимо от степени своих вероятных заблуждений, Швейцер заметно отличался от всех предшествовавших ему и современных ревизионистов действием, неотделимым от слова. Слитность того и другого составляла наибольшую достопримечательность егей его долгой жизни и евангельский упрек “Вера без дел мертвя есть” относился к Швейцеру, пожалуй, в наименьшей степени.

Он был на редкость цельно и гармонично внутренне устроен. В этом не было его заслуги, если он и самосовершенствовался то непроизвольно, не видя в этом самоцели. В основных же чертах своей личности. Швейцер умер таким, как родился.

Бог наградил этого замечательного человека прямым, как солнечный луч умом и зоркой совестью, не знавшей сча. Он любил повторять, что “спокойная совесть — выдумка дьявола”. Разносторонняя одаренность его, вкупе с целеустремленностью паломника решительно во всем, чего он однажды решил достичь, позволила ему сразу же по достижении совершенолетия стать доктором трех наук и непрекаемым, признанным во всем мире толкователем огромного творческого наследия Баха.

За блестящую защиту диссертации о Тайной Вечере и о Канте, он удостоился званий доктора богословия и доктора философии. Консерваторию он окончил со званием свободного художника и за издание капитального труда о Бахе получил третье звание доктора, доктора искусствоведения.

Соперничая в таком раннем развитии со столь же талантливым, но прямо противоположным по мировосприятию современному своим, несчастным Отто Вейнингером, в одном отношении Швейцер превзошел даже Моцарта: последний начал играть с шести лет, а Швейцер с пяти.

Будучи сыном малоимущего лютеранского пастора, Швейцер с юношества привык сам себя содержать и помогать семье; сперва уроками, позже концертами. Его выступления в различных городах и странах Европы сопровождались неизменным успехом и привлекали все большие публики. О нем заговорили как о будущей знаменитости и музыка не только кормила молодого ученого, но и сулила ему большой почет. Он пришел только не с той стороны, с какой его ожидали.

Отличаясь с детских лет самобытной религиозностью, Швейцер все чаще и глубже задумывался над этическим смыслом существования, отказываясь видеть его в дарвинском “наслаждении жизнью”. Реалист Швейцер отлично знал себе цену, чему не мешала родившаяся с ним скромность. Напротив, она побуждала его отчетливое сознание своих талантов претворять в чувство благодарности к Тому, Кто талантами людей наделяет. Зарывание их в землю Швейцер всегда считал одним из наименее простиительных нарушений Божьей воли.

С другой стороны, его постоянно смущала та масса человеческих страданий, какими он нигде не мог найти достаточно убедительного для себя объяснения и от которого он, до поры до времени, сам был убережен. Чувство благодарности постепенно перешло в чувство неловкости перед страждущими неудачниками и долга им помочь. Еще в студенческие годы, однажды, после очередного раздумья, Швейцер спокойно решил за все, чем отметил его Tворец, заплатить служением людям там, где они в этом больше всего нуждаются. И назначил себе срок для начала такого служения: через десять лет. Швейцеру было тогда двадцать.

Но строить и усовершенствовать органы, в чем он также оказался непревзойденным мастером или ублажать людей слух фугами Баха, Швейцер пошел для себя недостаточным, а благотворительная деятельность его тоже не удовлетворяла и некоторое время он чувствовал себя на распутьи, пока случайно не натолкнулся на заметку о бедственном положении негров во французском Конго, вымиравшим от острой недостат-

чи лечебной помощи; во Франции не находилось охотников ехать в гибкие заповедники страшных болезней.

Швейцер нашел то, что ему было нужно и сразу решил переселиться в Африку, чтобы лечить негров. Но он был доктором чего угодно, только не врача. И подвиг Швейцера начался не с того дня, когда на берегу африканской реки, под открытым небом он сделал первую операцию грыжи чернокожему старику, а с того, когда к великому изумлению профессоров, трижды доктор снова появился в университете для изучения медицины, к которой у него не было ни малейшего призыва.

Родные, друзья и знакомые Швейцера были просто ошеломлены его решением в тридцать лет снова сесть на студенческую скамью для того, чтобы по окончании университета похоронить в Африке свои таланты, карьеру, намечавшуюся обеспеченность и быть может самим себя. Если уж он так печалится о судьбе дикарей, то не проще ли, без ущерба для собственного благополучия и не поступаясь привычными европейскими удобствами жертвовать на чернокожих то, что он может уделить из своего заработка музыканта, известного уже теперь и вероятно знаменитого в недалеком будущем? Нет, негры тут не при чем!

И пока участливые люди подыскивали ключ к загадочному ларчику, Швейцер окончил университет с четвертым званием доктора, доктора медицины. На это ушло семь лет. Семь лет непрестанной борьбы со сном и переутомлением, потому что Швейцеру пришлось ученье совмещать с работой не только для оплаты правоученя, но и для накопления средств, без которых осуществить начатые планы было невозможно.

Борьба за осуществление этих планов, признанных фантастическими всеми, кроме самого Швейцера, продолжалась по окончании университета в преодолении косности, рутины и недоверия, а порой откровенной враждебности людей, не способных понять простого человека, имеющего за ними своеобразные цели.

Немец, посвятивший себя служению, в конце концов, интересам Франции, на первых же порах встретил тупое сопротивление самих французов в лице чиновников и духовенства, опасавшихся ересического влияния беспокойного лютерина на население, подопечное католической миссии. И только после упорных хлопот и письменного обещания ограничиться медицинской деятельностью, Швейцер, наконец, добился разрешения на поселение во французской колонии для устройства там госпиталя своими средствами.

В сложное и утомительное путешествие с тяжелыми ящиками, наполненными хирургическими инструментами, медикаментами и хозяйственной утварью, Швейцер отправился в сопровождении одной только молодой своей жены. И был счастлив, когда маленький пароходик, курсировавший от случая к случаю по реке Огоуе, лавируя между стадами бегемотов доставил его и выгрузил прямо в джунгли экваториальной Африки на милость туземцев и экзотических животных, среди которых рогатая гадюка была не самой диковинной и опасной.

Негры встретили белых пришельцев хмуро, с подозрением. Больных вначале было мало и это позволило Швейцеру осмотреться и начать постройку закрытого помещения, используя местные ресурсы, то есть все, что природа дарила: столь же щедро, сколь равнодушно отнимала разрушая. Однако, когда Швейцеру удалось завоевать доверие туземцев, на него, как из рога изобилия, посыпалась проказа, трахома, тропическая малярия, дизентерия, дурная, сонная, слоновая и др., не менее опасные болезни. Работая не покладая рук, от заря до зари, Швейцер главную трудность своего положения, однако, находил не в этом. Негры оказались ужасными пациентами, их беспечность и суетливость приводили Швейцера, порой, в отчаяние. Негру нельзя было доверить лекарство для регулярного приема, возможность поправиться без проволочки он видел в том, чтобы лекарство, данное ему на неделю, проглотить сразу. Негры срывали с себя хирургические повязки специально для того, чтобы шрамы и рубцы остались поглубже, потому что они составляли предмет достоинства и гордости, были чем-то вроде орденов. Им не удавалось объяснять смысл диеты и они отказывались верить в возможность выздоровления, пока Швей-

шер не показывал им какого-нибудь червячка, якобы извлеченного из тела.

В довершение всего этого и многого другого, пациенты настойчиво требовали плату за лечение... В недавно опубликованном воспоминании С. Л. Бертенсона есть такой эпизод: какая-то холливудская аристочка на предложение Немировича-Данченко позаниматься с ним бесплатно отказалась именно потому, что это было бесплатно, то есть потому, что эти занятия не предусмотрены контрактом, а следовательно она за них ничего не получит. Но африканские дикари по глупости и невежеству конкурировали даже с холливудскими звездами!

Избалованные щедротами тропической природы, трудолюбием негры тоже не отличались. Найти помощников было трудно; найдя, заставить работать — еще труднее, а уговорить окончить начатое дело оказалось почти невозможным. Тут уж требовались хитрость и уловки!

С ростом популярности Швейцера, расширялся круг его обязанностей и ответственности. Например, Швейцер и сам не заметил, как стал общепризнанным судьей. Недоразумений среди негров было много и разрешать их не всегда было легко, но приговоры почти во всех случаях исполнялись беспрекословно. Если дело касалось спорной охотничьей или рыболовной добычи, Швейцер требовал и получал в качестве гонорара за судопроизводство треть для кормления госпитальных больных.

Преодолевая шаг за шагом с необыкновенным упорством все трудности, добрая половина которых оказывалась неожиданной и непредвиденной, Швейцер добился осуществления своего основного плана и если не больнице в строгом смысле этого слова, то надежный стационар и амбулаторию огромной пропускной способности создал, на что потребовался год.

Но все, что было создано напряженiem духовных и телесных сил ценою крайнего переутомления, все это рухнуло сразу под напором разразившейся первой мировой войны. С самого начала ее французские власти, подчиняясь закону, лишили Швейцера, как немецкого подданного, не только права работать, но и свободы. Его с женой интернировали, и перевезли под арестом во Францию, где обрекли на томительное бездействие, отягощенное переживанием семейного несчастья: его, сравнительно, не такая уж старая мать, погибла на улице родного городка, растоптанная насмерть проскаравшей конницей.

Все нелепости и противоречия войны заставили Швейцера с особым усердием сосредоточиться на поисках нравственных основ христианской культуры. Еще в Африке, перед отъездом он вкусили горечь плода посевенного им проповедования и не сумел ответить дикарям на вопрос о том, как война между христианами согласуется с христианским учением. Не смог не потому, что ответов не было, или он их не знал, а потому что ни один из них его как философа, богослова и просто искреннего человека не удовлетворял.

По окончании войны, Швейцер вернулся домой физически больной, душевно измученный и по собственному выражению чувствовал себя монетой затягившейся под стол. Ему казалось, что все его забыли и он больше никому не нужен. Но к счастью, это только казалось. Первыми о нем вспомнили шведы,

предложившие прочесть цикл лекций. Лекции сразу вызвали живейший отклик, главным образом со стороны европейской студенческой молодежи. Швейцер вернулся к литературной и концертной деятельности. Он воспрял и не только покончил со старыми денежными долгами, но стал снова копить для Рождества к своему африканскому детишту, и как только обстоятельства позволили, поспешил в Ламбарен, но нашел там одни развалины. Белые муравьи и тропические ливни, хозяйничавшие семь лет, не позволили и думать о ремонте, все нужно было строить заново. И Швейцер приступил ко вторичной постройке госпиталя.

Благодаря приобретенному опыту и восстановленным связям с толковыми туземцами, на этот раз работать было гораздо легче. Кроме того, книги и лекции об Африке привлекли добровольцев, приехавших помочь; среди них были врачи, несколько сестер и даже плотник.

Швейцер продолжал спать не больше четырех часов в сутки и повседневных дел не оставил, но все же высвободил ночное время для литературных и музикальных занятий. Члены Всемирного Баховского Общества, председателем которого Швейцер бессменно считался с давних пор, прислали ему из Парижа в подарок маленький орган, специально построенный и приспособленный к тропическим условиям. Между ним и рабочим столиком, а также под койкой хранились лопаты, кирки, застулы, пилы и другие хозяйствственные принадлежности, уберегавшиеся от разворовывания только здесь.

Тут же в домике Швейцера жили различные вылеченные им животные и птицы, в том числе пеликан, день-деньской промышлявший на воде, а к вечеру возвращавшийся домой, по собственной инициативе приняв на себя обязанности ночных сторожа. Все знали, что к Швейцеру можно попасть только до шести вечера, а позже пеликан из под крыши клевал в голову всех, кто пытался быть непрощенным гостем. Таким образом, благодарная птица обеспечивала своему спасителю необходимое уединение для философской работы, которую он в виде рукописей подвещивал к потолку после того, как антилопа Леонэ съела первый лист, оставленный на столе.

Швейцер не только любил животных и уважал их, что вполне согласовалось с его мировоззрением. Он утверждал, что попечение о животных давно превзошло пределы частных вкусов, взглядов и настроений; что попечение это следует понимать, как общественный долг и что человечество только тогда получит право считать себя культурным, когда научится в государственные сметы клочь ассигнования на постройку бесплатных ветеринарных госпиталей. В личной жизни Швейцер эту идею осуществлял тем, что не только просил негров приносить к нему больных или раненых животных, но еще и вознаграждал их всякий раз, когда они это делали.

Все это было бы неосторожно считать чудачеством. Не был чудачеством и случай, когда Швейцер изменил порядок дня и продолжал за столом писать до тех пор пока не проснулась лежавшая на его левой руке больная кошка. Швейцер считал, что все люди и он в частности в большом долгу у животных.

Швейцер не любил политики и ею не занимался, но это не помешало ему безошибочно предугадать начало второй мировой войны, что и спасло госпиталь от вторичного разорения, потому что Швейцер во время съездил в Европу и вернулся оттуда с запасами продовольствия и лекарств, которых, с натяжкой ихватило на все годы войны. На этот раз Швейцера никто не посмел тронуть.

Ко времени окончания войны, Швейцеру исполнилось семьдесят лет, но по мере убывающих сил, он продолжал ра-

ботать до самой смерти все реже покидал Ламбарен, ставшее для него особенно дорогим после того, как он похоронил здесь жену, скончавшуюся в возрасте пятидесяти семи лет.

Умер Швейцер оплаканный прежде и горше всех неграми, которым он посвятил большую часть своей жизни и для которых в течение пятидесяти лет он был не только врачом, но и проповедником, учителем, судьей, хозяином и даже простым рабочим. Для негров Швейцер был истинным и бескорыстным отцом и благодетелем, в отличие от тех фарисеевствующих провокаторов, которые спекулируя на так называемом “черном вопросе” сколачивают грязный капитал для достижения темных политических целей. Этую шайку проходимцев, дорвавшихся уже кое-где до власти, Швейцер презирал тем глубже, чем искреннее жалел негров.

Что же до самих негров, то их отношение к Швейцеру выражалось лучше всего в таком случае: Как-то, выведенный из себя чудовищным легкомыслием пациентов, Швейцер в окликнул: “Дурак я, что приехал сюда к вам!” С этим неожиданно и вдумчиво согласился один из черных помощников Швейцера, санитар: “Да. На этой Земле, доктор, вы действительно большой дурак”. Зная негритянский способ выражения чувств и мыслей, Швейцер, разумеется, не обиделся. Негр хотел сказать, что он — Швейцер — не от мира сего. Но негр ошибался.

Ценность Швейцера, как личности, состояла в значительной мере в том, что при всех его талантах, больших делах и достижениях, в основной сущности своей он никогда не переставал быть обычным, нормальным человеком с устойчивой психикой, далеким от экзальтации и ничуть не склонным к бесплодным увлечениям. Все его решения и поступки продиктовывались спокойным чувством долга божьего человека. И несмотря на возможные заблуждения, от которых не свободен ни один смертный, раньше всех своих научных и почетных званий, Швейцер заслужил звание Христианина. Им он был не только по выработанному мировоззрению, но по рождению, по натуре.

Именно это в первую голову побуждало Швейцера всю его сознательную жизнь добиваться исчерпывающей ясности в определении нравственных основ христианской культуры; именно это, главным образом, и помогло ему найти определение искомых основ, выраженное в его философии “Почтания жизни”.

По Швейцеру, человек сорвавший стебель травы только для того, чтобы погнать им бросить его, принципиально совершил уже какой-то грех, но никакого греха нет в том, что крестьянин накосил воз сена для хозяйства.

Швейцеровское “Почтание жизни”, это христианское противопоставление тому фактическому презрению к жизни, которое получает все большее распространение под шумок вздорной болтовни о гуманизме, равенстве и братстве. Философия Швейцера, это усилие воспитывать в людях чувство наибольшей ответственности перед всем, что живет и дышит. Это, если так можно выразиться, прикладное христианство, без подачек и “авантюризма самопожертвования”. Это, наконец, любовь к ближнему. Не созерцательная, не пассивная, а динамическая, любовь в действии.

Швейцер писал: “Все, что за девятьсот лет сходило за христианство, только начало, полное ошибок. Настоящее христианство впереди”.

Оставляя на совести автора такое мнение, хочется почтительно склониться перед скромной могилой самого выдающегося философа нашего века, требовавшего порядка в мыслях и честности в действиях; которого еще при жизни называли третьим, после Баха и Гете, великим немцем.

Хочется и сохранить твердую надежду на то, что его пророчество о присоединении иоанникийской, совершенной христианской эры не останется мечтой, а сбудется.

А. Макриди

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В “Казну Великого Князя Владимира Кирилловича” поступили следующие суммы:

от П. М. И. — 100.00 фр.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В “Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича” поступили следующие суммы:

от И. Дмитриева — 10.00 фр., от кн. С. С. Белосельского-Белозерского (ноябрь и декабрь) — 50 дол., от о. Спиридона — 2.50 дол., от Книжного Магазина “Русь” (Сан-Франциско) — 15 дол., от А. Я. — 375 песо, от Б. В. Сергиевского — 200 дол., от А. Добринина — 5 дол., от Серафима, Архиепископа Чикагского и Детройтского — 500 песо, от В. И. Р. — £ 3.19.7, от г. Дрея 15.00 фр., от Е. Е. Перри — 3.50 дол., от З. А. П. (ежемесячные взносы за весь 1965 г.) — 22.000 песо.

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОВСКОГО

поступили следующие суммы: от Васи Лапина — 3 австр. паунда, от П. Русского —

50 нем. марок, от М. С. Катренко — 5 дол., от г. Куксевич — 2 дол., от Савы —

— 1 дол., от Милицы — 1 дол., от

З. Дробеск — 1 дол., от инж. А. М. Ситника — 50.000 круз., от архимандрита

Афанасия — 10 дол., от Серафима, Архиепископа Чикагского и Детройтского — 10 дол., от г. Дрея — 15.00 фр., от

М. П. Маторина — 30.00 фр., от г. Старицова — 5.00 фр., от Е. Е. Перри — 3.50 дол., от И. Дмитриева — 10.00 фр., от о. Спиридона — 2.50 дол., от “Старого Бабакина” — 5 дол., от Книжного Магазина “Русь” (Сан-Франциско) — 10 дол., от В. Ф. Григорьева — 5 дол., от А. Низова — 10 дол., от Л. Соломахо — 5 дол., от “ХХ” (ноябрь-декабрь) и в память Владыки Иоасафа — 2000 песо, от Е. А. Куриловича — 30 дол., от И. В. Матисова — 5 дол., от З. А. П. (ежемесячные взносы за весь 1965 г.) — 20.000 песо, от А. Я. — 600 песо.

Контора газеты “Наша Страна” очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИТАЗЕЙ

открывает 16-I-1966 г. на 1 м-р свой

XII-ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ

на собственном участке в местечке “Ла Болса” в горах Кордобы. Интересные походы и экскурсии. Игры и занятия. Обильная и вкусная еда. Запись до 31 дек. с. г. у свечного столика в соборе Воскресения Христова и по будням у графа Уварова (Эскобар 2542. Кап. Ф.) от 18 до 20 ч.

Вышел из печати и поступил в продажу новый роман

Н. НАРОКОВА

автора известного романа

“МИНИМЫЕ

ВЕЛИЧИНЫ”

“МОГУ!”

Цена — 4 долл.

С заказами обращаться

к издателю Н. Чоловскому:

NICEFORO CHOLOVSKY

Calle Terrada 2984

Buenos Aires — Argentina

и в Редакцию “Нашей Страны”.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

(Издание четвертое)

в двух частях

(шесть отдельных выпусков)

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ

в лучших книжных магазинах, у всех

представителей газеты “Наша Страна”

и в Издательстве.

В воскресенье, 9 января 1966 г., в РУССКОМ КОРПУСНОМ ДОМЕ
(Сан Мартин 344, Вижа Бажестер)

ТРАДИЦИОННЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК
СРЕТЕНСКОГО СЕСТРИЧЕСТВА

В 16.30 час. — ЕЛКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

В 19.30 ч. — ВЕЧЕР ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Буфет от 12.30 час.

ЛОТЕРЕЯ — ПРОГРАММА ДЛЯ ДЕТЕЙ — ПОДАРКИ — ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Д О К Т О Р
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по пятницам от 18 до 20 час.
по субботам от 16 до 18 час.
АМЕНАВАР 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

Г. Месняев

„ВОЙНА И МИР“

Первые две части романа „Война и Мир“, под заглавием „Тысяча восемьсот пятый год“, были напечатаны в журнале „Русский Вестник“ в 1865 и 1866 г. г. Таким образом, сейчас, хотя роман и был закончен в 1869 году можно говорить о столетии этого замечательного произведения Льва Толстого.

Шестидесятые годы прошлого века, когда Толстым писался роман „Война и Мир“, являлись годами той самой писаревшины, которая в дальнейшем, видоизменяясь приняла в конце концов гнусный облик большевизма, погубившего Россию, как национальное государство. Идти в те времена против левой, революционной цензуры было не легко и не многие на это отваживались.

В числе этих немногих был и издатель „Русского Вестника“ М. Н. Катков, талантливый и влиятельный публицист, пользовавшийся впоследствии немалым влиянием в правительственные кругах, а в дни печатания „Войны и Мира“, получивший широкую известность в связи с его страстной защитой России в дни польского восстания 1863 года.

„Не будь „Русского Вестника“, — писал И. Тхоржеский в своей книге „Русская Литература“, — негде было бы напечатать, в те бурные годы, ни „Отцов и Детей“, ни „Бесов“, ни „Обрыва“, ни даже „Анны Карениной“.

Добавим к этому и главное, что без М. Н. Каткова, в те времена, негде было бы напечатать и роман „Война и Мир“. Таким образом, не только русская литература, но и литература мировая не в малой степени обязаны „ретрограду“ Каткову за то, что он взял для печати „Войну и Мир“ и сделал этот роман известным во всем мире.

Но, конечно, не только потому, что „негде было печататься“ Толстому, он отдал свой роман Каткову, но и потому, и это — главное, что по своему тогдашнему умонастроению, по своему отношению к России и ее прошлому, Толстой тех дней был, как говорят теперь, „созвучен“ той великоледчавной русской идеи, которую провозглашал и защищал „Русский Вестник“.

В ту пору, когда писался роман „Война и Мир“, Л. Н. Толстой по своим взглядам, вкусам, привычкам и мировещанию занимал полярно противоположную позицию всем тем, которые отрекались от реальной России и от ее

Лиц, желающих продать книгу ген. Туркула „Дроздовцы в огне“ и М. Карапеева „Караб-Мурза“, просят обратиться, с указанием цены, по адресу:

V. Kisilev, 25. Owen St.,
Wellington. New Zealand,
или в редакцию газеты „Наша Страна“.

О ПОМОЩИ М. Ф. МИХАЙЛОВУ
Находясь на пути к выздоровлению, проф. Михайлов удручен недостатком средств на окончание лечения.

Поможем ему посильнее по случаю наших Рождественских Праздников.

Один из друзей.

РУССКИЕ КНИГИ

Изданные в США — Европе — Южной Америке и других странах.

Книги религиозные. Техническая литература. Словари. Энциклопедии. Русские классики. Биографии. Книги по всем специальностям. Беллетристика. Музыкальная литература. Театр. Спорт. Художественные альбомы. Детские книги. Научная литература. История. Технология. Экономика. Медицина. Юридические пособия.

РУССКИЕ ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ

Классич. музыка. Оперы. Песни. Художественно заговоренные пластинки.

Русские православные иконы. Лампадки. Картины. Предметы искусства.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТКИ

VOLGA BOOK & STATIONERY STORE

3456 Broadway, at 141st Street

New York, N. Y. 10031

Tel. AU 3-9063 — U.S.A.

Заказы принимаются из всех городов США и из заграницы, а также Редакцией газеты „Наша Страна“.

мени, как мне выражали некоторые читатели... недостаточно определен в моем сочинении. На этот упрек я имею возразить следующее. Я знаю, в чем состоит тот характер времени, которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычих и т. п. И этот характер, который живет в нашем представлении, я не считаю верным и не желал выразить (курсив мой, Г. М.). Изучая письма, дневники, предания, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь, или когда-либо... Заключать о том, что преобладающим характером того времени было буйство, так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки деревьев, что в местности ничего нет, кроме деревьев».

Консервативный, охранительный характер „Войны и Мира“ — несомненен. Этот характер особенно ясно проявлен Толстым в том споре, который в последней части романа ведет Пьер Безухов с Николаем Ростовым.

Константин Леонтьев в своем критическом очерке о „Войне и Мире“ писал что эпоха Отечественной войны была „побарельефнее“ (выпуклее, проще), чем она показана Толстым. Душевная сложность Пьера Безухова и Андрея Болконского по мнению К. Леонтьева, была чужда людям той эпохи. Те русские офицеры, которые говорили Наполеону: „Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату“, или: „Молодость не мешает быть храбрым“, — по мысли К. Леонтьева, были типичными представителями и выразителями „русского ампира“ того времени.

И Николай Ростов, вместе с Васильем Денисовым, с Долоховым и другими, — типичный представитель этого „русского ампира“, человек ясного, простого, неосложненного всякими рефлексиями, патриотического мировоззрения.

Когда он спорил с Пьером, он в душе своей не по рассуждению, знал несомненную справедливость своего мнения и говорил так: „...ты говоришь, что присяга условное дело, и на это я тебе скажу: что ты, лучший друг мой ты это знаешь; но составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев иди на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумайся и пойду. А там суди, как хочешь“.

Вот каков был тогда голос простых русских людей, таково было и их умонастроение, и оно-то и определило русское торжество над Наполеоном.

Работе над „Войной и Миром“ Лев Толстой отдал семь лет „непрестанного и исключительного труда“ с 1863 по 1869 год. Этот роман он писал в сильнейшем, постоянном возбуждении, со страстью, с восторгом. „Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе, — писал он в одном письме осенью 1863 года. — И эта работа есть у меня. Работа эта — роман из времен 1810 и 20-х годов, который меня занимает вполне с осени... Пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал“.

В сентябре 1867 года он побывал на Бородинском поле; обошел его пешком, нарисовал план местности, почувствовал скрытую поэзию этого святого места: „даль видна на двадцать пять верст. Дымы густые от мороза. Черные тени от лесов и строений на восходе и от курганов. Солнце встает влево, назад. Французам в глаза солнце“. Драгомиров, спаривая военные теории Толстого, восхищался художественной красотой толстовских военных описаний.

„Война и Мир“, на первых порах, не вызывала такого восторга, который сопровождает этот роман и по сию пору. Тургенев писал: „Где тут черты эпохи? Где краски исторические? Автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова или Багратиона выводит каких-то рабски списанных современ-

ных генеральчиков. В „Войне и Мире“ много прекрасного, но и уродства не оберешься“. Это пример, как могут ошибаться современники в оценке явлений и событий своего времени.

С тех пор прошло сто лет и „Война и Мир“, вопреки нападкам критики, вопреки нападкам левых кругов, называвших тогдашние взгляды Толстого „философией застоя“, вопреки упрекам тех же кругов в том, что Толстой не отразил истинного характера старой русской жизни, — „Война и Мир“ совершил свое триумфальное шествие по всему миру, утверждая справедливость и неперемежающую жизненность его стихийной любви к России и отрицая ценность его дальнейших философских заблуждений.

Не так давно, в одной из своих статей, покойная Е. Кускова недоумевала: как это могло случиться, что русская художественная литература была левой, в то время, как вся Россия, по утверждению многих, была правой и, якобы, не хотела революции. Однако, Е. Кускова глубоко ошибалась. „Капитанская дочка“, „Соборянин“ Лескова, романы Гончарова, весь Достоевский, „Степь“ и „Архиперей“ Чехова, „Жизнь Арсеньева“ Бунина, весь Шмелев, — словом все лучшее, что дано миру русскими, — все по духу правое. А „Что делать?“ Чернышевского, памфлеты Салтыкова-Щедрина и горьковские „буревестники“, — это даже не литература. Недаром Лев Толстой в своем „Войне и Мире“ возмущался „теперешним грязным политическим потоком, который непременно хочет вобрать в себя все и, ежели не уничтожить, то загадить искусство“.

Г. Месняев

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

И

ТВОРЕНИЯ

МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ

В г. Нью Йорке вышел в свет 13-й том Жизнеописания и творений Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого: „Учение о пастыре, пастырстве и об исповеди“ под редакцией и с предисловием Архиепископа Никона (Рклицкого). В книге 400 стр.

Archbishop Nikon
1841 Bathgate Ave.
New York, N. Y. 10457

РУССКИЙ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

LIVRARIA "KNIGA"

Caixa postal 8405, São Paulo, Brasil

ПОКУПАЕТ СТАРЫЕ КНИГИ
И ЦЕЛЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Имеются новинки, классики.

Обмен книгами.

В ПАРКЕ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
(Ла Люсила) в окрестностях Мар де Ахо сдаются департаменты и комнаты на лето. Запись по вторникам, четвергам от 18 до 20 час., по субботам от 18 до 21 час. Сан Мартин 344. Вика Бажестер (В библиотеке).

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docente de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. N Capital
T. E. 88-3605

(Один квартал от станции субтеррапе-
тико „Пуэйрредон“ по линии Федерико Лакросе).

В воскресенье, 9 января 1966 г., в 16.30 ч., в „Ля Реха“ (Морено) состоится

ЕЛКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

И ОТКРЫТИЕ

ЛЕТНЕГО СЕЗОНА „ДОМА ОТДЫХА“

(В Морено: коллектив 2 (4-й столбик) до остановки „Роса Амалия“)

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

Обстоятельства, стоящие выше наших возможностей управления, повели к тому, что в выпуске газеты был перерыв: выпал один выпуск. Сохраняя верность воспринятым на себя долгу — информировать русскую общественность о происходящих событиях — мы это раз должны будем коснуться (хотя бы даже и краткими замечаниями) всего того, что заслуживает нашего внимания не за недельный, как обычно, а за двухнедельный срок.

Латинский и протестантский мир празднует Рождество Христово. Газетные агентства сообщают из Вифлеема о необыкновенном оживлении там. Но слушаю Праздника разрешен переход со стороны Израиля на сторону Иордании. Город полон паломников и туристов. Всюду шумно, оживленно, повсюду толкаются торговцы, пользующиеся наплытом туристов. Всюду тесно, и в этой тесноте, как невольно напоминает своим построением заметки некий корреспондент, Христу Спасителю в Вифлееме сегодня так же негде приклонить Главу, как это случилось при Его рождении. Тогда Его Пречистая Матерь вышла из города. Христос нашел Себе приют в пещере.

Где Ему найти приют теперь? — заметим мы от себя.

По слухам Праздника разрешен переход с западной стороны Берлина в восточную. Сотни тысяч "западноберлинцев" понесли подарки родным.

Что касается событий, то, признаться сказать, дело обстоит жидкотато. Особенного ничего не было. Впрочем, полюбопытствовать есть о чем. Прежде всего, пожалуй, это факт, что американцы вышли на первое место в соревновании межпланетных полетов, далеко оставив позади своих собратьев — советчиков. Речь идет о полете снаряда, именуемого "Близнецы". Удивительная хитрость состояла в том, что американцы запустили два снаряда. Когда один из них пробыл в высших сферах одиннадцать дней, тогда был запущен второй снаряд и оба они, летя на скорости более 28.000 км. в час, встретились на высоте около 250 километров, сблизившись на столь малое расстояние, что через окошко снарядов видели ясно черты лица друг друга.

Затем, каждый из снарядов в заданное время спустился на воду и "звездолеты" были благополучно извлечены из аппаратов. Словом, победа полная. Даже ТАСС пришло в восторг и поздравления летели в Америку со всех концов света. Дело межпланетных полетов все больше приближается к полному торжеству человека над миром. Советский ученый (чему же его учили?) в межпланетном восторге дошел до того, что теперь занимается изысканием средств замораживания звездолетов. Ученого зовут Николай Сироткин, а его статья появилась в газете "Красная звезда". Дело в том, что полет на некоторые отдаленные планеты берет много времени. Иной раз даже до десяти лет. Так вот, чтобы звездолеты не старели во время полетов дальнего следования Н. Сироткин решил их подвергать временному замораживанию. Этим же способом он думает удлинить и человеческую жизнь. Вам немножко надоело жить? Устали? Извольте. Вас заморозят на пять-другой лет. Очнется, проснетесь и будете ужасно рады.

Право же диву даешься: и почему же это в школе этих ученых учат? Жаль

подумать, — до какого маразма довести человека можно!

Во Вьетнаме — попрежнему. Правда, согласно реляций, на этот раз американцы здорово побили сев.-вьетнамских партизан (вьетконговцев) и с воздуха нанесли большие потери, но эта победа не сдвинула войну с мертвоточки.

В южном Вьетнаме большевики ведут большую подрывную работу, подготавливая крупные восстания в американских тылах.

Громко прозвучали слова одного из главных китайских большевиков, Чу Эн-ляя, про то, что если Америке угодно воевать, то весь китайский народ поднимется на нее и разгромит агрессора. На фотографии Чу Эн-ляя двумя растопыренными пальцами грозит Америке. Совсем Черчиллевский жест. Словно уже победил.

В Варшаве все время идут полугласные переговоры между послом США и послом коммунистического Китая о том, как покончить с войной. О необходимости мирных переговоров идет разговор со всех сторон. Итальянский министр иностранных дел Амиторе Фанфани (он сейчас является председателем Ген. Асс. ООН) побывавши в Ханое, столице Вьетконга сообщил, что, де, мол, Хо Чи Мин (это главный вьетконговец) готов на мирные переговоры с кем угодно и где и когда угодно. Вот как он стремится к миру!

Затем с красной стороны последовал ряд опровержений, будто бы это все Фанфани приснилось, а на самом деле Хо Чи Мин хочет воевать до победного конца. Тут стало подоспевать Рождество. Устроили Рождественское перемирие. Оно длилось 30 часов. Потом бои возобновились.

Из Америки стало слышно, что не за горами новая выборная кампания. Это значит, Джонсону нужно заранее подготовить с выборщиками, чтобы обеспечить победу демократической партии.

И Папа Римский снова и снова взыскивает с мира, чтобы был мир. Предсказателем быть трудно, но пахнуло таким ветерком, словно бы было решение: до большой войны не допускать.

Дух общедемократического согласия то и дело проскальзывает через страшный гром звуков борьбы свободного мира против коммунизма. В Вашингтоне побывал с визитом Западно-Германский канцлер Людвиг Эрхард. Угощал его ужином Джонсон, или нет, и что было в столе это осталось неизвестно, но известно стало, что Эрхард просил атомного оружия для Западной Германии. И удивительно то, что Джонсон согласился допустить Зап. Германию к соучастию в обороне Европы при условии пользования атомным оружием.

Разговоры и коммюнике о этом туманные. Без цифр. Без дат. Но для сомнений места не осталось. Решено немцам дать атомное оружие. И тут последовало самое удивительное: если до сих пор московские большевики постоянно негодовали по поводу того, что Зап. Германия тягнется к атомному оружию, ибо они в этом видели дух реваншизма, то тут вдруг... как воды в рот набрали. Словно так и нужно. Ну что ж. Эрхард получил то, чего хотел "для дома и для сердца", и вернулся в Европу, как писал А. С. Пушкин:

Весьма довольный сам собой,
Своим обедом и женой...

Его "реваншистский" дух удовлетворен, а Москва покрыла этот дух зна-

ком согласия, т. е. молчанием. Великое согласие.

А Китай остался в Азии. И попрежнему в красном лагере. В Европе же было заседание министров стран, так называемого, Атлантического Пакта. Было же это 15-го декабря с. г., что министр обороны США, Роберт С. Мак Намара, доложил слушателям свое мнение о Красном Китае. Но его данным Красный Китай не только изуважения к Ленину говорит о военной ликвидации капиталистического мира, но одновременно всерьез готовится к этому столкновению. Накапливает атомное оружие. Судя по тому, как идет эта подготовка, Красный Китай уже через десять лет будет вполне готов к тому, чтобы вести во всем мире "национально-освободительные войны", которые свяжутся с подрывной революционной работой прежде всего в Африке и Лат. Америке. Роберт Мак Намара пригласил все страны, участвующие в Атлантическом Пакте, принять к сведению сообщенные им сведения и начать подготовку, чтобы в свое время не быть застигнутыми врасплох.

А в самом НАТО (союз стран Атлантического пакта) тоже не совсем благополучно. С тех пор, как де Голь решил вывести Францию из-под американской опеки, что-то похожее на трещинку появилось в этом НАТО. Куда дело пойдет, не видно никак. Люди делают разные предположения, но основательных пока слышно не было. Когда де Голь было провалился на президентских выборах, то появился момент ожидания и неизвестности. Но вот по вторичному голосованию де Голь оказался вновь в президентском кресле.

Не раз приходилось замечать, что если пророком быть трудно даже в своем отечестве, то живя в чужом краю — еще труднее. Наши случайные попытки к тем или иным прогнозам зачастую не находили себе оправдания. Поэтому, когда удается попасть в точку, в самое "яблочко" цели, то испытываешь... неутолимую скорбь. Речь идет судьбе тех кубинцев, что по наивности и по несчастью попали на списки желающих покинуть большевистскую Кубу. С тех пор, как договор между Кубой и Америкой вошел в силу, некоторое число людей вывозится на север на американских самолетах. Однако, зная, что большевик, если он и правду говорит, то все равно надут, многие кубинцы не обращают внимания ни на Кастро, ни на Америку. И едут. Бегут от ужаса. Садятся в лодки, ибо Кастро для них страшнее и воли и акул, и тайком отправляются в Майами на свой страх и риск. Но люди более робкие, — как оказалось для тех, кто не читал наших сводок, — страшным образом попали впросак. По списку на выезд им приходится ждать очереди несколько месяцев, и теперь Кастро распорядился, чтобы каждого, кто записывается на выезд в США, немедленно снимать с работы.

Значит, те, кто желает воспользоваться Кастроым гуманизмом (т. е. правом покинуть родину), должны на протяжении месяцев оставаться без еды и без кровя. Очевидно, этим людям придется вновь исполняться энтузиазмом строительства социализма, любовью к Фиделю Кастро и, срежеща зубами от отчаяния, оставаться на Кубе. Право же мы были бы гораздо рады, если бы мы понесли ошибку и выезд антибольшевиков с Кубы мог бы протекать беспрепятственно.

Кстати о Кубе. Не все там дышат духом антибольшевизма. Есть и настоящие убежденные большевики: марксисты-ленинцы. Они сейчас, как оказалось, нашли себе применение в Африке. Здесь, в джунглях Конго, они заняты обучением конголезских красных партизан. Интернациональная солидарность!

Говоря об Африке, нельзя оставить за пределами внимания Южную Родезию, приговоренную демократиями к уничтожению за то, что там белые осмелились провозгласить независимость. В единий фронт преследователей независимости, вслед за английским премьером и королевой Англии, стал теперь еще и президент Джонсон. Джонсон с Вильсоном договорились наложить, так называемое, "эмбарго" на нефть, то есть оставить Родезию без нефти. Начали вступать в силу акты разрыва дипломатических отношений с Англией, со стороны некоторых черных африканских республик. С Англией черные республики рвут отношения за то, что она не сумела раздавить независимость Родезии.

В самой Родезии, как свидетельствуют туристы, побывавшие в самой тамошней столице Садисбюри, полный покой, жизнь бьет ключом и никто никого не убивает. Независимый премьер Ян Смит видя себя преследуемым со стороны демократических стран, и зная, что возглавляемая им независимая Родезия представляет собою препятствие на пути поглощения Африки коммунизмом, высказывает удивление:

"Интересно заметить, — говорит он, — что страны, порвавшие дипломатические отношения с Англией, имеют явно коммунистическую наклонность. Мне кажется, что это говорит за себя и откровенно является линией фронта. По-моему Западный мир должен был бы радоваться тому, что произошло. Мы не раз заявляли, что с коммунизмом не имеем ничего общего. Мы — это бастлон против коммунизма. И смешно при этом видеть как против нас борются великие западные демократии, о которых говорят, что они борются против коммунизма".

Нужно ли говорить, что Москва тоже прервала отношения с Родезией. Она отказалась покупать родезийский табак. Ненависть демократий к Независимой Родезии идет беспредельными путями. Даже Швейцария запретила импорт товаров из Родезии и наложила запрет на принадлежащий Родезии счет в банке.

Ян Смит продолжает дружелюбно снабжать Замбию электроэнергией и ведет с нею торговлю. Население живет мирно и хвалит Бога. Покоя не имеют "деятели". Они уж давно съели бы Яна Смита, но они предварительно вступили в борьбу между собою, ибо как ЗАНС-ZAPU, так и ЗАНС-ZANU намерены каждый взять власть именно в свои руки. (Зембабвийско-Африканский Национальный Союз и Зембабвийско-Африканский Народный Союз). Оба эти союза пытаются убедить негров в Родезии, чтобы они не сотрудничали с органами власти Независимой Родезии. Но все их старания смешны и не ведут ни к чему. Поэтому вожди готовятся к партизанской войне.

Борьба мировых демократий против Родезийской независимости действительно производит нелепейшее впечатление. Скоро они вступят в союз с людьми. Впрочем... не впервые. Вспомините Ллойд Джорджа.

Центрально-Американская республика Санто Доминго остается в условиях страшного внутреннего напряжения. Благодаря тому, что на острове все еще находится какое-то число американских солдат, пар от кипения не подымает крышки котла, но вспышки происходят то и дело. Речь идет о мелких перестрелках, о тревогах... Однако, никто не заботится принять решительные меры и виновники недавнего восстания продолжают жить и не тужить в Санто Доминго... и мутить воду.

В течение последних двух недель до нас дошло сообщение, что с некоторых пор на советских киноэкранах то в той, то в другой картине стали появляться давно развенчанные герои революции. Лев Давыдович Бронштейн-Троцкий стал появляться в виде, отвечающем действительности его революционной деятельности. В феврале 1964 г. появился на экране Григорий Зиновьев, а в феврале 1965 — Николай Иванович Бухарин.

Не подлежит сомнению, что в свое время Троцкий будет вполне реабилитирован в глазах большевиков и ему будет отведено действительно заслуженное место ее главного организатора. Советы-то рабочих и крестьянских депутатов создал ведь именно не другой кто, а Лев Давыдович. Это дело еще было в 1905 году, и ясно, что если бы этих "советов" не было, то вся агитация "великого Ленина" была бы впустую.

Вероятно, придет и такой день, когда обнаружатся все подлинные деятели всемирной революции, как выйдут наружу имена также и тех ее слуг, которые нынче осторожно лавируют, из-за кулис ведут ее корабль между Сциллой мира и Харибдой великой войны, к полному торжеству единого интернационала.

Но, как бы гордо ни выглядел корабль, несущий свои торжествующие паруса по лазурным волнам потерявшей сознание современности, венчается этот корабль победой не раньше, чем когда ему удастся дойти до пристани, к которой он стремится. Страшным будет его крушение, когда об эту самую пристань ветер его разобьет. В щепки.

Наблюдатель

† В воскресенье 19-го декабря с. г., в 45-ю годовщину убийства чекистами полковника Российской Императорской Армии, участника Белой Борьбы

ГЕОРГИЯ МАКСИМИЛИАНОВИЧА ФЕСТА

в Св. Покровском Соборе, г. Мельбурн, Австралия, после Божественной Литургии была отслужена панихида по покойном,

о чем сообщают сын и родственники.

† Группа казаков, проживающая в гор. Енкарнасион (Парагвай) и его окрестностях, с глубокой скорбью извещает, что 8-го ноября с. г., в колонии Сан Доминго скончался 72-х лет кубанский казак станицы Исправной Баталпашинского отдела

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЯВСКИЙ

Спи с миром в чужой земле верный сын России и казачество!